

Глава 1056: Решение дьявола

Все выжидающе ждали, пока Чэнь Чаншэн даст идеальное решение, даже самый стойкий епископ из консервативной фракции.

Пожилые епископы смотрели на Чэнь Чаншэна с довольно сложными взглядами.

Он был студентом Шан Синчжоу, юношей, воспитанным Мэй Лиша, неоспоримым членом родословной Синин, наследником традиционной линии Ортодоксии. Логически говоря, он должен был стоять на их стороне, но он не сделал этого.

Он дал Линхай Чживану и Даосисту Сыюаню важные роли, и после того, как Даосист Байши погиб в Городе Вэньшуй, он никогда не успокаивал консервативную фракцию. Вместо этого он позволил Ху Тридцать Два, епископу новой фракции с ужасной репутацией, заменить Даосиста Байши.

Именно это вызвало невероятное недовольство консервативной фракции, приводя к сегодняшней ситуации.

Но даже сейчас никто не думал и не смел думать об изгнании Попа с его трона.

Они все еще удерживали надежду насчет Чэнь Чаншэна.

Но они и сами не знали, на какие действия Чэнь Чаншэна они надеялись.

Тело Мэй Чуаня все еще было в темноте за холлом.

Это был выбор Сюй Южун.

Чэнь Чаншэн мог плыть по течению, но не стал делать этого.

Потому что Дао, которое он культивировал с детства, означало, что он никогда не сможет обмануть себя или других.

Хоть это и могло быть одной из необходимых характеристик, требуемых, чтобы стать тем, кто мог преуспеть в больших начинаниях.

Он вдруг вспомнил слова Бе Янхуна в Городе Белого Императора.

Естественно, между ними была огромная разница, но это все еще могло послужить аналогией.

А затем он вспомнил последние слова Архиепископа Мэй Лиша перед его смертью.

«Когда я шел по Божественному Проспекту, я вспомнил кое-что, произошедшее много лет назад, прямо перед Великим Испытанием того года».

На лице Чэнь Чаншэна появилась ностальгическая улыбка.

Все знали, что он ссылался на то, как Архиепископ Мэй Лиша объявил всему континенту, что Чэнь Чаншэн хотел заполучить первый ранг первого баннера в Великом Испытании.

Эти воспоминания не продолжились. Атмосфера, которая могла согреться, снова стала напряженной.

Толпу прорезал холодный и кусачий голос.

«А затем Ваше Святейшество убил его единственного племянника!»

В большом холле стало невероятно тихо.

Чэнь Чаншэн ничего не говорил.

Да, кто-то сделал Мэй Чуаня Образовательным Наблюдателем Ортодоксальной Академии именно ради создания проблем для него.

Убьет ли он его или нет, это приведет к сложностям.

Так что Танг Тридцать Шесть не колебался. Он покинул дом, чтобы взять меч и убить Мэй Чуаня.

Так что Сюй Южун убила Мэй Чуаня.

Они были двумя самыми близкими к нему людьми, кто больше других понимал его мысли и сердце, так что они не позволят ему выбирать, не позволят ему нести это бесславие.

Он тогда не остановил Танга Тридцать Шесть, так что это тоже был его выбор.

Пространство над морем звезд принадлежало Божественному Королевству.

Всё под грязью принадлежало к пыли.

«Я понесу все преступления, которые должен понести».

Чэнь Чаншэн спокойно сказал толпе.

Он не использовал теплые воспоминания, чтобы закрыть расщелину между новым и консервативным, и не давал достаточно убедительных причин.

Не было объяснения, так что, естественно, не было решения.

Он решил спокойно понести это.

Великий Зал Света наполнился шокированными криками.

Священники постоянно менялись в лицах, раскрывая всевозможные эмоции.

Некоторые люди были разочарованы, другие - расслаблены. Некоторые были в подозрениях, другие - в догадках.

Чэнь Чаншэн был готов понести все преступления.

Проблема была в том, кто под звездным небом желал обвинять Попа в каких-то преступлениях?

Это была не самокритика Святого, а самое вызывающее заявление.

В толпе слышалось несколько отчаянных вздохов, а также несколько фраз критики.

Чэнь Чаншэн сжимал Божественный Посох и тихо стоял, более не говоря ни слова.

Линхай Чживан подошел к платформе и вынул давно приготовленный свиток. Он раскрыл его двумя руками и начал читать.

Когда его ледяной голос называл имя за именем, шум в холле постепенно затих.

Единственными звуками остались тяжелое дыхание и нарастающее количество шагов.

Бледнолицые и ненавистные исполнители в черной одежде Зала Небесного Правосудия вывели десяток епископов из толпы.

Один из кардиналов, отвечающий за Департамент Духовного Образования, был снят с должности.

В голосе Линхай Чживана по-прежнему не было эмоций, он был ясным, как самый острый нож.

Он зачитал преступления этого кардинала.

Эти преступления никак не были связаны с событиями этой ночи, но обвинения были исключительно ясными, а доказательства - неопровержимыми.

Кардинал не сопротивлялся. Он спокойно последовал за этими черными исполнителями из холла.

Выражения лиц Чжуан Чжихуаня и других кардиналов дрогнули, когда они уставились на эту немного несчастную фигуру.

Атмосфера в холле становилась все более и более давящей. Наконец, в ней была прорвана дыра.

Епископ, которого уже провели через двери холла, с силой повернулся и закричал к платформе: «Планирует ли Ваше Святейшество быть жестоким правителем!»

Толпа узнала по голосу, что этот епископ первым начал критиковать Чэнь Чаншэна.

Чэнь Чаншэн не ответил. Держа руку на Божественном Посохе, он тихо стоял на платформе.

Чжуан Чжихуань наконец-то вышел из толпы. Спокойно кивнув, он спросил: «Будет ли окончательное решение отложено до тех пор, пока Архиепископ не выйдет из уединения?»

Бесчисленные взгляды пали на него.

Все понимали, что он подразумевал.

Департамент Духовного Образования был под прямым управлением Мао Цююя.

Мао Цююй вот-вот станет единственным экспертом Ортодоксии в Божественном Домене.

Вопрос Чжуан Чжихуаня был предупреждением, возможно, даже угрозой.

Линхай Чживан окинул его бесстрастным взглядом, ничего не говоря, но в его холодных глазах появилось нескрытое намерение убийства.

Чжуан Чжихуань оставался равнодушным. Он только смотрел на Чэнь Чаншэна.

В этот миг заговорил неожиданный человек.

Архиепископ Ань Линь сказала с серьезным выражением лица: «Святой путешествует по морю звезд, как перед бездной...»

«Из последней секции общих комментариев по Эссе по Истокам Дао».

Чэнь Чаншэн не дал ей закончить.

Он повернулся к ней и сказал: «Эта часть писания говорит об уважении».

Архиепископ Ань Линь поклонилась и ответила: «Да».

Чэнь Чаншэн сказал ей: «В этом аспекте я лучше тебя».

Ань Линь выглядела немного ошеломленной, так что повернулась посмотреть на несколько фигур в темноте за холлом.

Этой ночью труп Мэй Чуаня был транспортирован во Дворец Ли при помощи этих людей.

Что же надо было уважать? Море звезд? Великое Дао? Или, возможно, жизни родственников или подчиненных?

Она замолчала на долгое время, а потом вздохнула: «Как Ваше Святейшество узнал?»

Чэнь Чаншэн не отвечал.

Ранее, за каменным холлом, пока Ань Хуа поправляла его одеяния, она рассказала ему дрожащим голосом.

Архиепископ Ань Линь прекратила допрос. Она немного хриплым голосом спросила: «Что Ваше Святейшество планирует делать со мной?»

Чэнь Чаншэн ответил: «Я уже раньше сказал, что готов понести все преступления».

Ань Линь вздохнула: «Я понимаю. Я уступлю свой пост Архиепископа Священного Зала».

Она не предала намерения Попа.

Сегодня был первый раз, когда консервативная фракция убедила ее помочь им с парой дел.

Потому что она хотела посмотреть, как Поп решит это дело.

Результат, увиденный ей, вызвал у нее грусть, немного разочаровав ее.

Не потому, что раскрытие ее преступления привело к потере ее должности Префекта. А потому, что Чэнь Чаншэн был слишком твердым и вызывающим в решении этой ситуации.

Она мягко сказала: «Это бессердечность Святого?»

«Нет. Некоторые люди хотят, чтобы я был безжалостным тираном. Некоторые хотят, чтобы я был героем. Некоторые хотят, чтобы я был мудрецом, а другие хотят, чтобы я был Святым».

Чэнь Чаншэн сделал паузу, а потом продолжил: «Но, в действительности, я все еще тот молодой даосист, входящий в столицу для участия в Великом Испытании».

Ань Линь искренне спросила: «Учитывая это, зачем проходить через такие проблемы?»

Лоб Чэнь Чаншэна нахмурился, а его дыхание стало более грубым.

Только самые близкие к нему люди могли сказать, что он был в крайне ужасном настроении.

«Вы не задумывались об определенной проблеме? Я никогда не желал стать Попом».

«Я не знаю, кто принял это злобное решение. Возможно, это был Боевой Дядя, или, возможно, это был Архиепископ Мэй, или, возможно, Учитель?»

«Это они хотели, чтобы я был Попом. Прежде, чем принять это решение, они не спросили, желал ли я».

«Так что они надеялись, что я сделаю эти вещи».

Он сделал паузу, а затем продолжил: «Но у меня нет желания делать эти вещи».

«Если Поп должен делать такие вещи, то я не подхожу на позицию Попа».

Он посмотрел на епископов Департамента Духовного Образования и сказал: «Если у вас всех все еще есть возражения, то давайте закончим все здесь».

Великий Зал Света был абсолютно тихим.

Некоторые священники не понимали смысла слов Чэнь Чаншэна.

Некоторые священники, которые думали, что понимали, не смели верить в это.

Линхай Чживан замер, Даосист Сыюань широко открыл глаза, а Ху Тридцать Два впал в задумчивые размышления.

Ань Линь была немного сбита с толку, думая, сделала ли она что-то неправильное?